

Эни Халт

Одержимость. Рассказы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эни Халт

Одержимость. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24115889

SelfPub; 2024

Аннотация

Что движет нами в наших мыслях и поступках? Почему мы бываем слепы и глухи к правде? Ответ очевиден и страшен – боль. Сильная боль – и мы ослепли, и оглохли, и потеряли надежду... Никто не останется один в своей беде. Помощь рано и поздно придет. Но от кого? И какой ценой?

Эни Халт

Одержимость. Рассказы

Одержимость

1.

Этого не было, не было, не было!!! Я все придумала, мне все приснилось! Как тогда, когда он... И я не могу этого объяснить! Как же так, почему? Это все произошло не со мной, не со мной, не со мной!!! Я ничего не помню, я ничего не понимаю!

Тогда почему я в больнице? Почему моя челюсть сломана? Почему? За что? За что?!!!!

Я начинаю дико кричать, произнося нечленораздельные звуки, хотя любое движение доставляет мне боль. Боль в лице и ... там. Но лучше боль, чем воспоминания. Его лицо. Его страшные глаза, его чужие, жестокие руки, его кулаки! И его предательство...

Мои волосы, черные и кудрявые, разметались по белой больничной наволочке. В палате пахнет хлоркой, и, немного, дождем. Наверное, так пахнет горе. Вокруг густая липкая темнота. Я совершенно ничего не вижу. Но мне этого мало. Я хочу потерять сознание. Я хочу не помнить, я хочу не верить. Я слышу шаги в коридоре, в палату врывается ночная медсестра.

– Чего разоралась? – начинает она ругать меня из темно-

ты.

– Вколите мне что-нибудь, – хнычу я жалобно. Я противна самой себе.

– Что, очень болит? – неожиданно сочувственно спрашивает ночная гостья, – обезболивающего чуток хочешь?

– Нет, убейте меня, – отвечаю я сиплым голосом, – я просто хочу умереть...

2.

Я снова, снова попала в историю. Я сама во всем виновата, сама. Так я повторяю себе каждое утро, просыпаясь в больнице. Вид слабых серых солнечных лучей, проникавших через пыльные окна палаты, заставляет меня снова и снова видеть себя. И это доставляет мне страдания. А что я еще хотела? Мою испорченность, мою порочность видно невооруженным глазом. Кого я хотела обмануть? Его? Или себя? Мне больше не удастся никого уличить в этом, мне больше никто никогда не поверит! Я уже пыталась свалить свою греховность на другого, близкого мне человека. Я уже придумывала обвинения, чтобы обелить себя... И мне никого не удалось провести. Я жалкая, похабная и бесстыжая... Так мне и надо!

Мой любимый! Надеюсь, его не нашли. Иначе бы он всем рассказал, какая я порочная, испорченная. Я слышу стук в дверь, но мне не хочется никого видеть. Я лежу на больничной койке, отвернувшись к стене и даже не плачу. И не сплю. Только слышу несчастные шаги своей матери, и зажмурива-

юсь еще сильнее. Мне так стыдно, что я не могу посмотреть на нее.

– Кто это сделал, Танюша? – устало спрашивает она, – отец должен знать.

Я молчу, но дышу тяжело и прерывисто. Молча кусаю губы, чтобы не заорать. Я хочу, чтобы она ушла, и не смотрела на меня так сочувственно. Я лежу к ней спиной, но ее снисходительный взгляд, привычный мне и знакомый, просто невыносим. Он прожигает мне спину. Уйди! Уйди! Я кричу это мысленно, вслух не позволяя себе произнести не звука. Только судорожно сжимаю пальцами простыню.

Просто я снова влипла в историю. И нет мне прощения. С такими, как я, всегда происходят грязные вещи! Нет выхода. Нет утешения. Моя вина давит на меня железобетонной тяжестью. Я никогда не стану нормальной. Возможно, из-за меня снова пострадает другой человек. Как тогда...

3.

В общем, мою порочность не чем было объяснить, кроме наследственности. Мать моего отца была падшей женщиной. А я, будучи очень похожей на нее внешне, стала демонстрировать неприличное поведение с самого детства. Юбки я любила короткие, платья открытые. Интересовалась взрослой жизнью. Даже обсуждала с девчонками в классе, когда вырастает грудь, и как правильно целоваться! Отец следил за мной особенно тщательно. И мать была уже предупреждена. Ведь она знала мою бабушку по отцу лично!

«Блядь!» – говорил мой папа про нее. И мне было стыдно, что я так на нее похожа. Родители мои порядочные люди. Они старались, как могли, воспитать во мне сдержанность. Но гены взяли свое. Я забеременела в тринадцать! Было много слез, аборт, больница, сожаления и обвинения. И беседы. Ничего не помогало. Я не могла назвать отца ребенка. Я не могла ничего сказать. Ведь я даже не помню, как все произошло! Странный факт – половой акт остался вне моей памяти.

«Блудует по накатаной!» – сказал отец, густые седые брови его приподнялись презрительно, ледяные глаза смотрели с отвращением. Он ждал этого и ни капли не удивился. Мать замаливала грехи. Ее церковный платок висел в прихожей на гвоздике. Она носила траурный черный платок, будто кого-то похоронила. Черный дешевый платок на гвоздике – вечное напоминание о моей одержимости.

А я резала вены. Ни разу не получила полноценного кровотечения, появлялась лишь тонкая полоса на белой коже, и пара жалких капель моей отравленной крови. Наверно, у падших женщин, особо сильный инстинкт самосохранения. Суицид не удался.

Стены в моей комнате были оклеены чудесными обоями – синими, с изображением целующихся серых голубей! Но, после того, как я совершила «это», отец замазал голубей белой краской! Но в углу, под самым потолком, остался фрагмент картинка. Только клюв и два глаза. Два птичьих глаза, смотревших на меня укоризненно. Ведь их похоронили под

краской из-за меня!

После нескольких месяцев расспросов об отце моего абортированного ребенка, я сдалась. Мама упорствовала в этом. Но я не могла вспомнить ничего адекватного! Только одно знала я – то, что снилось мне в кошмарах. Отчего я не могла спать, есть, разговаривать. Это вводило меня в оцепенение. Это заставляло меня испытывать ужас днями и, особенно, ночами ... Это сводило меня с ума. И я рассказала маме. Оказалось, что я хуже, чем просто проститутка. Я тварь и лгунья...

Меня хотели отдать в интернат. И это было ужасней самых чудовищных моих страхов и фантазий. Я не просто забыла, с кем спала, я еще и... Мне пришлось просить прощения на коленях, клясться, обещать, что вспомню. Ссадины на стертых коленях, от ползания и унижения, долго болели. Но я не вспомнила. Я не знаю, кто был со мной! Может, их было несколько? Может, весь класс? А, может, и бомж из соседнего двора? То, что было в моей голове, нисколько не отвечало действительности.

Я подозревала всех, с кем общалась и виделась. В школе я перестала разговаривать с другими детьми. Ведь в каждой мальчишке мне виделся мой неудачливый любовник, а каждая девчонка казалась осведомленной о том, что произошло. Скоро надо мной начали смеяться – и за спиной, и в глаза.

Каждый день я пробиралась между деревянных парт к своей, самой дальней. Меня сопровождал гул насмешек, а

презрительные издевательские лица одноклассников сливались в одну огромную ехидную ухмылку. Я не смела поднять глаза!

Сомнений не оставалось – все знают, кто переспал со мной. Все, кроме меня! Я плакала, ... и молчала. Я не могла себе позволить узнать. Правда могла быть чудовищной!

Но скоро родители нашли выход. Меня стали запира́ть дома, чтобы ничего не случилось. И я постепенно успокаивалась. Моя комната казалась мне убежищем: белые стены, коричневый маленький стол, книжная полка, старый вытертый ковер... Ничего лишнего. Статуэтки, альбомы, игрушки были изгнаны, безжалостно выкинуты отцом. Ведь они меня развращали. Однажды, когда я делала уроки, старательно склонившись над учебником, я услышала воркование. Голубь прилетел на мой подоконник! Я заметалась по квартире. Принесла из кухни немного пшена и высыпала через форточку. Он не съел ни одного зерна. Потоптавшись немного, голубь улетел. Наверное, потому что я была предателем...

А после девятого класса из школы я ушла. Я поступила в колледж и там, хоть и с трудом, я смогла заговорить со своими ровесниками. Но только с девочками. При моей порочности, разговор с парнями неизбежно должен был привести их в постель со мной. Поэтому я получила нелюбезную кличку за отказ от общения с мужским полом. Нет, не Дева Мария, а просто Лесбиянка.

Несколько лет одиночества не прошли для меня просто так. Они, конечно же, оставили глубокий след в душе. Я его ощущала, как невидимый шрам на коже, как некую неуловимую ущербность. Походка моя стала неуклюжей, как будто я с трудом передвигаю ноги. И во всем образе моем сквозила какая-то неловкость. Каждый день, каждую минуту я чувствовала огромную вину за свою одержимость, за предательство, за боль, которую доставила своим родителям. О своём не рождённом ребёнке я не думала вовсе – это был тошнотворный плод, доказательство моего падения и моей испорченности.

К концу обучения в колледже я стала изгоем, одиночкой, неисправимым синим чулком. Мои серые одежды, старые кеды, уродливые очки, затянутые в тугую косу волосы, и вечно срывающийся извиняющийся голос не вызывали желания общаться со мной. Если бы они только знали, что творится у меня в душе, у меня в голове!

Мой страшный мир был внутри – отчаяние, безысходность, вина и беспомощность... Я извинялась за все: за то, что имею отдельную комнату, за то, что родители кормят и обеспечивают меня, и платят за обучение, и заботятся обо мне, и терпят меня. Я стыдилась себя и извинялась за то, что живу...

На выпускной вечер я не попала. Туда нельзя было прийти в джинсах и кедах, а в платье я себя чувствовала просто голой. Мне казалось, все поймут, какая я низкая проститут-

ка, если увидят меня в женственной одежде. Особенно, если я распушу свои густые волнистые волосы, сниму очки... Но мама настаивала, чтобы я получила диплом, как и все, на банкете. Платье мне купили глухое и черное, закрывавшее большую часть моего тела.

Я с интересом разглядывала себя в зеркало – крутой изгиб бедер, полная грудь, длинные прямые ноги ... Как красиво! Какой я могла быть счастливой, если бы не была моральным уродом! Какая жуткая ирония судьбы: будучи душевным инвалидом, испорченной порочной лгуньей внутри, снаружи я была красавицей... Я одела туфли на каблуках, распустила волосы, прошла по коридору, копируя походку манекенщиц, круто развернулась и застыла перед зеркалом, уперев одну руку в бок, а другую закинув за голову.

– Репетируешь? – услышала я насмешливый голос отца. Он наблюдал за мной в приоткрытую дверь из родительской спальни. Мне стало стыдно за то, что рассматриваю себя.

– Папа, я ... – перед глазами у меня все плыло. Я не могла произнести ни слова от смущения и страха, а еще от отвращения к себе. Отец наблюдал за мной с интересом, пристально вглядывался в мое лицо, как будто выискивая там признаки и показатели «того самого», что он ненавидел.

Накануне выпускного вечера мне стало дурно. От страха меня трясло, я не могла ни есть, ни спать. К утру, после нервной бессонной ночи, я выглядела очень плохо. Лицо стало землистым, руки мои тряслись, и я перевернула чашку с

утренним чаем.

– Так не пойдет, – сказал отец, – нужно вызывать скорую. Старый телефон стоял на тумбочке в прихожей. Пять шагов. До него было всего пять отцовских шагов... И он уже повернулся, намереваясь пройти к телефону.

– Не нужно, папа, пожалуйста! – попросила я, – я сейчас возьму себя в руки. Почему-то в этот момент попасть на выпускной вечер мне захотелось ценой собственной жизни. Может, потому, что в платье я выглядела изумительно, и мне хотелось после четырех лет унижений показать всем, что я НЕ ЛЕСБИЯНКА! НЕ СИНИЙ ЧУЛОК! НЕ ТАКАЯ! Или, потому, что Вовка Кондратенко, тайный, почти неосознанный мной предмет робкой влюбленности, мог увидеть меня НОРМАЛЬНОЙ!

– Тогда ты выпьешь лекарство и ляжешь, может быть, к трем тебе станет лучше, – смилостивился отец и накапал мне в стакан смесь лекарств. Взгляд его был удивленным, а в голосе проскальзывала едва скрываемая ярость. Наверное, я его разозлила, когда выделывалась перед зеркалом! Я покорно выпила отвратительный раствор и улеглась в постель. Но на вечеринку я все равно не попала. Я так сильно волновалась, что к двенадцати дня меня начало тошнить и рвать, а к двум начался сильный понос.

Диплом об окончании колледжа забрала в деканате мама.

5.

А потом мне разрешили устроиться на работу.

Это был магазин, книжный. Я работала консультантом с графиком два через два. Это означало, что два дня подряд с девяти утра и до девяти вечера я была на работе, а потом – два выходных. Какое это было счастливое время! Наверное, самое счастливое, в моей неудачной никчемной жизни!

В магазине всегда было сказочно уютно. Через огромные витражи в торговые залы проникал пыльный солнечный свет, и, казалось, делал значительнее все предметы, на которые он попадал. И книги, и красные яркие стеллажи, и деревянные подиумы, и рекламные стойки. Мне чудилось, что я нахожусь в прозрачном домике. Ведь и солнце, и дождь и снег всегда были рядом. Их отделял от меня тонкий стеклянный слой. Казалось, стоит протянуть руку, и ты почувствуешь теплые капли дождя или обжигающий холод снежинок на своей ладони! Но, одновременно, находясь рядом со стихией, я чувствовала тепло дома, запах типографской краски новых книг, слышала негромкие переговоры людей, влюбленных в литературу. Это был особый мир!

Я раскладывала книги по полкам, консультировала покупателей. Никто из них даже не догадывался о моем недостатке – порочности. В первый раз в жизни я смогла забыть, кто я на самом деле. Какая я тварь. Моя вина стала, как будто отдаляться от меня, становиться все меньше и меньше. Иногда мне удавалось по нескольку дней не вспоминать «об этом». Особенно, когда отец уезжал в командировку, и мы оставались дома вдвоем с мамой. Коллеги по работе тоже ничего

обо мне не знали и считали меня немного стеснительной, но, в общем, нормальной девчонкой. Но самым главным были книги! Много книг! Можно было выбирать любые и читать, читать, пока прочитанное не вытесняло из меня почти полностью мой изъясн или воспоминания о нем.

Прошло два года, и память стала тускнеть. Болезненные воспоминания о моем диком поступке молодости, моей испорченности и уродстве стали отступать. Мне казалось, что все это было не со мной. События вспоминались мной расплывчато и отрывисто. Только ночные кошмары остро, но ненадолго вторгались в мое сознание. На работе меня повысили, я стала администратором торгового зала. В моем подчинении были целых пять человек! Я удивлялась несколько месяцев этому повышению, а потом... поверила. Я поверила, что могу жить нормальной жизнью. Меня ценят! Меня уважают! В меня верят! И, спустя время, с трудом, преодолевая подозрения, я поверила тоже.

Но жизнь для меня не стала менее мучительной. Моя вечная вина, черная точка моей биографии, не давала покоя моим родителям. Господи, если бы не они, я навсегда бы забыла об этом. Вычеркнула из своей жизни, вырезала бы прогнивший кусок из нити своей судьбы, завязала здоровый узел и стала бы жить. Жить дальше! К черту прошлое жалкое существование! Но они – мать и отец – вечные порицающие свидетели «того самого», как они это называли, не давали горю померкнуть.

И я стала отдаляться от них. У меня даже появилась подруга! Ритка. Она была кассиром в нашей торговой точке. Веселая, искренняя, она заражала меня своей жадой жизни, заставляя забыть «то самое», заставляя смеяться, учила радоваться мелочам! Но дома начались скандалы. Почти как тогда, когда я совершила «поступок». Отец считал, что мне нельзя читать любовные романы, но я больше всего любила именно этот жанр! Книжки пришлось прятать в тумбочке возле кровати. Когда у меня был выходной день, я, занимаясь домашними делами, с радостью предвкушала наполненный чтением вечер! Уже лежа в постели, я вытаскивала из тумбочки свою книгу, открывала и с упоением вдыхала запах недавно напечатанных страниц! А потом погружалась, полностью вживалась в перипетии жизни героини! Ведь если нет своей любви, можно жить чужой!

Но иногда, отец находил эти книги и безжалостно портил. Рвал и выбрасывал в мусорку.

– Проститутка! – орал он в ярости, – шалава, тварь!

А я молчала. Мне хотелось крикнуть в ответ, что я «не проститутка». Но я не могла. Ведь он знал всю правду обо мне.

И еще, его возмущала косметика. Дома я не красилась, и на работу уходила без макияжа. Но утром в магазинной подсобке мы с Риткой наводили красоту по журналам. Я выучилась красить глаза, чтобы разрез их выглядел кошачьим, а на свои полные губы наносила блеск. Получалось красиво.

Лицо мое приобретало этакую породистость, и я часто ловила заинтересованные взгляды молодых парней и взрослых мужчин. И мне это льстило. Тем более, что вызывало неизменное одобрение Ритки. Но однажды в наш магазин зашли мои родители. Они гуляли в парке и решили проведать меня. Появление их в моем полу выдуманном мире было странным и неестественным. Я чувствовала смутную угрозу от их присутствия, но объяснить, почему, не могла даже себе. Может, мне было стыдно за старомодное бежевое пальто моей матери, ее затравленный, как будто просящий, взгляд? Или, за неграмотную, но уверенную речь отца? За его поведение – оценивающее и властное, как будто он что-то понимал в книготорговле? Я не знала.

Но я забыла про макияж! И про облегающую блузку ярко-го цвета, которую мне одолжила подруга! Мать и отец сделали вид, что ничего не заметили, но вечером, когда я пришла домой, они не разговаривали со мной. Показывали мне свое порицание, свое осуждение, усиленно изображая, что меня не существует! Так продолжалось несколько дней. Я снова почувствовала себя маленькой и беспомощной. Интересно, они знали, насколько жестоко ранят меня?

И мне пришлось просить прощения, совсем как «тогда», обещать, и даже поклясться, что я больше никогда не буду так выглядеть! Они простили меня спустя месяц. Отец даже не обозвал меня.

Моя ненависть к ним скручивалась в тугой жгучий ком у

меня внутри. Но я молчала.

6.

Я много раз спрашивала свою совесть: так ли я виновата в своем «поступке» на самом деле? Мне исполнилось двадцать. Сомнения зародились и стали одолевать меня сначала робкими, а потом более настойчивыми вопросами. Я все еще не могла успокоиться. Давление отца стало невыносимым. Я просто возненавидела его. И маму заодно с ним. Зачем, зачем они так часто напоминают мне «об этом»? Ведь всем нам было бы легче все забыть? Прошло семь долгих мучительных лет, и моя порочность больше не проявляла себя. Я была готова забыть, а они – нет... Вспышки ненависти к ним сменялись сожалениями. Мне все чаще и чаще хотелось сказать им: «Хватит! Хватит об этом! Ведь я была совсем ребенком!» Но я молчала, уверенная, что не буду услышана в своем отчаянном крике.

Наверное, нужно было кому-нибудь рассказать «об этом». Может быть, мне стало бы легче... Но я с трудом признавалась себе в том, что все это **БЫЛО СО МНОЙ!** Даже Ритке я не могла открыться, а больше у меня никого не было. Кого я могла призвать к себе в судьи?

А потом появился ОН. Костя был совершенно несчастным, одиноким и добрым. В наш магазин пришла аудиторская проверка. Я тряслась и нервничала больше всех. Главным проверяющим был Костя, Константин Викторович. Он улыбался мне доброй улыбкой, и... успокаивал. Уверял, что

наши нарушения незначительны и выдал положительное заключение о проверке.

– Тань, ты ему просто понравилась, – сказала мне уверенно Ритка.

Я смущенно улыбалась, ведь мне он понравился тоже... Не то, чтобы он мне просто понравился. Я не могла думать вообще ни о чем и ни о ком, кроме него. Это была дикая влюбленность, наваждение, как в романах.

– Если бы он не был таким старым, можно было бы... – продолжила рассуждения подруга.

Костя был старше меня на двадцать лет. Но это обстоятельство чудесным образом еще больше привлекало меня. Он жил один! Снимал квартиру. Ведь свое жилье он оставил жене и детям, когда ему пришлось оставить их. Он был не понят и одинок. Жена изменила ему. Это вызвало во мне изумление: как можно было изменить ему? Как мне хотелось его утешить!

– Мне так хорошо с тобой, – говорил он. И я гордилась. Я могу подарить ему радость! И он одобряет меня! Я могла продать половину жизни за эти чудесные слова: Ты – моя радость, мое счастье. Я так люблю тебя!

Я снова стала пользоваться косметикой. Я должна, должна быть красивой для НЕГО! В глазах моих появился счастливый блеск, я беззаботно смеялась и часами разговаривала с ним по телефону. И еще, стала носить каблуки! И эти ЧУДОВИЩНЫЕ изменения не укрылись от моих родителей. Я

совсем, совсем забыла про них! Отец наблюдал за мной пристально, но молчал. А мать, казалось, была рада моему хорошему настроению.

Вот только постель! Меня беспокоила близость с ним! Я так ее боялась! Почти так же сильно, как и хотела. Но, Костя был внимателен и нежен со мной! Он показал мне, как нужно правильно все делать, чтобы ему было хорошо. И я старалась! Он был благодарен мне, и это давало мне ощущение абсолютного счастья. Сначала я пыталась устраивать наши встречи в свои выходные дни, но потом нам стало этого мало. Мы все время хотели быть вместе! И он стал забирать меня с работы каждый вечер.

Однажды, я не пришла домой ночевать. Утром, немного волнуясь, я шла к родителям. Но, в сущности, нервозность моя была скорее привычной перед встречей с ними. На самом деле мне было все равно! Если будет скандал, я соберу вещи и уйду. Уйду к Косте! А еще в эту ночь он сделал мне предложение! Я выйду замуж, и мое счастье станет пожизненным. Документы на развод с женой Костя уже подал в ЗАГС. Осталось подождать совсем недолго. Два месяца.

В то утро отец и мать встретили меня гробовым молчанием. Они завтракали на кухне. Теплый ветер теребил кружевные занавески, пахло сдобой. Мать молча смотрела в окно, а отец стучал ложкой по блюдцу – угрожающе и монотонно. Но в меня как будто вселился чужой сильный зверь – мне было все равно. Меня больше не беспокоило их отношение.

Я пошла в ванную и провалялась там целый час, читая в свое удовольствие **ЛЮБОВНЫЙ РОМАН!**

Когда я вышла – распаренная, белокожая, улыбающаяся, я наткнулась на ненавидящий ледяной взгляд отца. Мать выглядывала у него из-за спины, губы ее были укоризненно поджаты. В руках отец держал ремень.

– Я буду сейчас тебя бить, пока не выбью всю дурь, шлюшка, – сказал он тихо, но голос его дрожал от ярости, – проститутка! Опять по старой дорожке пошла?

Внутри у меня что-то оборвалось. Руки затряслись, и книга упала на пол. Отец грубо откинул ее ногой. Мне стало страшно. Привычно, отчаянно страшно. Я застыла в оцепенении, силясь что-то сказать, но только хватала ртом воздух. И тогда он ударил меня. Сильно. Ремень просвистел в воздухе в сантиметре от моего лица и опустился на плечи, задев грудь и живот. Я видела его как в кино, когда прокручивают замедленную сцену, я смотрела на расширившиеся от страха глаза матери, открытый в беззвучной ярости рот отца. Я увидела себя сверху. Как будто я парила под потолком. Какая я оказывается маленькая! Маленькая и беззащитная! Мне стало жалко себя. Жалко изо всех сил моей усталой истерзанной души. И тогда я закричала. Первый раз в своей жизни я закричала на отца.

– Не смей меня бить, придурок! Оставьте меня в покое! Оставьте меня! Я НЕ ПРОСТИТУТКА! Я выхожу замуж!

Отец отпрянул от неожиданности. Мать подбежала ко мне

и обняла. Первый раз с тех пор, как произошло «это». Оказалось, что я сползла вниз по стене на пол и плачу. Больше я не могла кричать, только громкие судорожные рыдания вырывались из меня в пространство. Тело мое под старым халатом тряслось крупной дрожью.

– Хватит, Дима, – резко сказала мать, – слышал? Она уходит.

7.

Какой я была глупой! Я думала, отец так просто отпустит меня жить с моим любимым! Нет, он не привык сдаваться так быстро. Костя посягнул на его собственность – меня. И папа обещал рассказать ему все. Про мою склонность, порочность и одержимость. Про аборт в тринадцать лет. И про мою чудовищную ложь.

Я просила не говорить, я даже его умоляла. И мама была на моей стороне! Вдвоем с ней нам удалось уговорить папу. Он обещал ничего не говорить Косте. Но в день, когда Костя должен был прийти к нам знакомиться, отец брал свое обещание назад несколько раз. И мне становилось жутко. Вдруг, Костя откажется от меня, когда узнает всю правду? Но мама поддерживала меня. Мне казалось, она сумеет выправить ситуацию. Несколько раз я звонила Ритке, от волнения.

– Танюха, нормально все будет, – подбадривала подруга, – такой старый хрыч, как твой Костян, должен тебя на руках носить. Ты ж его младше на двадцатку!

Она пыталась успокоить меня, не зная про самый главный

изъян и стыд моей жизни.

В два часа дня Костя позвонил в нашу квартиру. Мама открыла, я увидела его счастливые любящие глаза и неожиданно успокоилась. Все будет хорошо. Я с гордостью представила маме и папе своего жениха! Ведь он такой респектабельный, умный и красивый! Сели за стол. Выпили. Отец долго рассказывал, что он сделал для семьи и для меня. Обеспечил, дал образование. И я расслабилась.

Стол накрыли в гостиной. Спустя час, мы с мамой ушли на кухню, чтобы поменять тарелки, и подать сладкое. Вернувшись с пирогами, мы увидели пустой стол.

– Курят на балконе, – диагностировала мама. И меня опять затрясло. А вдруг отец расскажет? Я побежала в спальню родителей, из которой был выход на балкон, но остановилась перед окном, закрытая занавеской. Я пыталась подслушать их разговор, но слышала лишь обрывки фраз.

– Аборт в тринадцать, гнилое яблочко, – говорил отец, гадко ухмыляясь, – держать надо, а то по рукам пойдет... Мне стало трудно дышать. Все-таки он рассказал. Ведь я же просила! Сквозь слезы я вгляделась в лицо моего любимого и с ужасом увидела на нем отвращение. Я БЫЛА ЕМУ ОТВРАТИТЕЛЬНА!

Костя прошел мимо меня, не поднимая глаз. Он не сказал мне ни слова. Как будто не хочет больше меня знать! Он молча обулся и вышел вон из квартиры. А я так и стояла в спальне родителей пристыженная, пригвожденная к полу

своим внезапным огромным горем.

– Ну что, проститутка, получила? – спросил отец, и голос его был самодовольным. Как будто мы с ним соревновались, и он меня обыграл.

Костя не отвечал на звонки целых пять дней. И на sms тоже. Я взяла больничный и лежала в своей комнате лицом к стене. Мне казалось, что жизнь моя кончилась, так и не начавшись. Я не отвечала на жестокие насмешки отца, на сожалеющие слова матери, на Риткины звонки... Я застыла в позе эмбриона на кровати и удивительным образом видела себя снова сверху. Как тогда, когда отец ударил меня.

8.

Мама опасалась за мое здоровье. Ведь я не спала и не ела. Она разговаривала со мной и успокаивала меня. Так же, как тогда, в детстве, пока не произошло «это». Но ничего не помогало. Я не реагировала. Смотрела на нее невидящими глазами. И тогда она стала кричать.

– За мужика надо бороться! Я за твоего отца любой все волосы выдерну! А ты! Распустила нюни! Ты же знаешь, где он живет! Пойди к нему и покайся! Если любит, простит.

И я пошла. Долго звонила в звонок. Но Костя не открывал. Мне казалось, что я слышу какие-то звуки там, внутри, в недавнем прошлом нашем любовном гнездышке. Я стала дергать за ручку двери, и она открылась. Квартира была не заперта. Я осторожно вошла в темную прихожую и услышала голоса на кухне. Один был незнакомым, а другой при-

надлежал Косте. Ноги мои подгибались. Я шла по коридору к нему, на его голос, и, одновременно, боялась показаться ему на глаза. Но отчаяние было сильнее страха. Я распахнула дверь на кухню и увидела Костю. Второй голос принадлежал диктору. Костя просто слушал радио и комментировал новости. Он сидел за грязным, заставленным пустыми бутылками и заветренными тарелками столом, в одних трусах.

– Ой, моя родная пришла! – закричал он. Костя был сильно, безобразно пьян. Но мне было все равно. Я услышала слово «родная» и тепло залило мое сердце. Только сейчас я поняла, какая пустота была у меня внутри все это время.

– Прости меня, прости! – закричала я и кинулась к нему на колени.

– Танька, оставайся навсегда, – сказал мне любимый.

И я осталась. За вещами к моим родителям я попросила съездить Ритку. Ритка появилась вечером в моем новом доме. Костя, разомлевший после ванной, сидел на кухне и пил пиво. Руки его тряслись. Он пил все дни, что мы не виделись с ним. От обиды, от моего предательства. Я хотела давать ему только радость, но невольно принесла горе!

– Я не могу это пережить, – сказал он мне, – но я попробую.

– Ну и на хрена оно тебе надо?! – заорала Ритка, увидев моего жениха, – он же алкаш!

– Рита, ты не понимаешь, – успокаивала я ее. Как я могла ей объяснить все? Ведь я была сама во всем виновата.

Началась другая жизнь. Мне было трудно, но я была счастлива. Раньше, когда мне было тяжело, я не понимала, за что мне это. А теперь трудности проявили свой смысл – ради любви. А ради своего мужчины, ради нежности, страсти, ради того, чтобы ему было хорошо, я могла вынести многое. И я выносила.

Меня снова повысили на работе. На этот раз я стала управляющей магазином, т.е. самой главной. В моем подчинении уже было двадцать человек. Я стала более серьезной, более ответственной, более мудрой. Увеличилась и моя зарплата. И это было кстати. Потому, что у Кости с работой все разладилось. Он давно мне рассказывал, что его посиживает один подчиненный. У подчиненного были связи, он был родственником директора сети наших магазинов. Но у Кости был опыт! После горестной истории со знакомством с моими родителями, Костя был в таком ужасе, что не мог ходить на работу. И его уволили. Несправедливо, незаслуженно! Просто выкинули на улицу! И я не могла ничем ему помочь...

Жизнь моя наполнилась заботой о Косте. Я готовила еду, которую ему было можно есть, ведь у него был гастрит. Я водила его к врачам и целителям – от той несправедливости, с которой с ним обошлись на работе, у него случился стресс, и он стал часто выпивать. Я стирала его старую и покупала ему новую одежду, чтобы он хорошо выглядел. Я искала ему работу и договаривалась о собеседованиях. Только он не всегда мог на них ходить. Несколько раз я не успевала пре-

дупредить его о назначенных встречах с работодателями, и он выпивал именно тогда, когда нужно было быть трезвым. После этого я стала строить ему план на неделю, чтобы избежать таких ситуаций. Он стал пить в пятницу и субботу, а в другие дни только тогда, когда не нужно было куда-нибудь идти. Я старалась. Работала с особыми усилиями – за увеличение продаж нам выписывали премии. А деньги мне были нужны, ведь большую долю зарплаты пришлось отдавать за аренду жилья...

Но с работой у Кости долго не ладилось, ему не везло. На большие должности его не брали. Ведь туда можно устроиться только по – знакомству. А на более низкооплачиваемую работу с его образованием и опытом идти было стыдно. Но мы справлялись, держались, выживали. Главное, мы были вместе. Иногда он начинал просить прощения за то, что якобы не оправдывает моих надежд.

– Малыш, ты очень устала. Я знаю, как тебе тяжело. Если в этом месяце мне не предложат должность зама генерального, пойду простым рабочим, ладно. Месяц ты еще потерпишь? – спрашивал мой любимый неуверенно.

Как он мог работать простым рабочим? Все возмущалось во мне! С его образованием, с его опытом! Ведь он, только он научил меня всему! Только благодаря его советам я стала управляющей! Я потерплю не только месяц, а столько, сколько будет нужно, чтобы он мог получить нормальную должность! У него все получится!

В ответ я видела его светящиеся глаза, его благодарный взгляд! Ведь я верила в него, я давала ему надежду! Я никогда, ни за что не предам его, как его жена! Я никогда не изменю ему! Никогда не упрекну его ни в чем!

– Я благодарю Бога, что встретил тебя, любовь моя! – эти слова были лучше любой награды.

Я была счастлива и слепа целых два года.

И еще, мне пришлось поссориться с Риткой. Она лезла в мои с отношения с Костей. Говорила, что он должен делать, а чего не должен. Я понимаю, она многого не знала, но мне все это надоело. Мне пришлось приструнить ее, ведь я стала ее начальником. И наше общение свелось к двум словам в день. Здравствуй и до свидания.

9.

Я не могу точно сказать, когда я стала понимать, какой большой груз я несу на своих маленьких плечах – себя и взрослого здорового мужчину, и полную ответственность за всю его и свою жизнь, и за съемную квартиру. Сначала я гнала от себя эти мысли – мы вместе, вот что самое главное. Я никогда не брошу его. Я не могу предать его. Я не могу не оправдать его надежд. Надежд на что? На то, что всегда буду ему мамой? Буду водить его за ручку? Покупать ему пиво? Слушать, как с ним несправедливо обходятся все, кому не лень? И закрывать глаза на то, как несправедливо обходится со мной он?

Прозрение было долгим и мучительным. Привычный

стыд одолевал меня. Я снова не справилась. Я не выдержала. И моя любовь стала таять, исчезать с пугающей скоростью. И скоро превратилась в отвращение. И виновата в этом была снова только я. Я смотрела на своего Костю – на его седые старомодные усы, отвисший живот, кривые ноги, семейные трусы. И видела все это, как будто в первый раз. Я слышала его глупые пошлые шутки, его гадкие слова обо всех окружающих людях. Я наблюдала за его самодовольством и распушенностью, за его умением переложить всю ответственность на меня. И поражалась! Этот человек паразитировал на мне столько месяцев, а я была счастлива! Я была рада! Я была ему благодарна за это!

Бежать! От него нужно бежать! Но уходить мне было некуда. В логово моих родителей? На это я была не согласна. И только понимающий взгляд Ритки давал мне поддержку. Я делала вид, что не замечаю, что она понимает – последствия моей безумной влюбленности наступили. Но все равно была ей благодарна. Ведь больше у меня никого не было. Только Костя, который из единственного друга превратился в персонального врага.

Я познакомилась с Андреем в ресторане. После работы, не в силах идти домой, я решила выпить бокал вина в красивом месте. В последнее время Костя пил все чаще и чаще. И его непонимающий дикий взгляд вызывал во мне отвращение. Границы в отношениях с ним, которые я не очертила вовремя, восстановить было уже нельзя. Он на это не соглашался.

Мои попытки объяснить ему, что, то, что я для него делаю, я делать не должна, вызывали в нем ярость. Он не хотел понимать, что я взяла на себя эти обязанности временно, только чтобы поддержать его. И в своей ненависти он обижал и оскорблял меня самыми предательскими словами.

– Шлюха! – орал он мне, хотя я ни разу ему не изменила даже в мыслях, – ведь отец твой меня предупреждал! Тварь! Я из-за тебя не вернулся к жене, потерял семью, детей! Это из-за тебя я остался без работы!

Такие оскорбления он считал чем-то обыденным. А извинялся только, если ударит меня. Да, он позволял себе даже рукоприкладство. Понимая, что теряет свою власть над мной, в бессилии удерживать. Даже сейчас, синяк под моим глазом был тщательно замаскирован тональным кремом.

Андрей подсел ко мне за столик в ресторане. Мне было плохо, скучно, грустно, и я не стала возражать. В нем было одно преимущество перед Костей – он был молод, лет тридцати.

– Что для тебя главное в отношениях? – спросила я, когда мы уже перешли на ты.

– Честность, – ответил он.

Я не могла ему сказать, что дома у меня живет монстр – Костя. Я соврала, что одинока. Чтобы получить приглашение на свидание. Мне стало окончательно наплевать на Костю, как когда-то на родителей. Я приходила в нашу общую квартиру только переночевать. Я не отвечала на его звонки,

на его устные расспросы и претензии, не давала ему больше денег. Это вызвало новый виток оскорблений и подозрений в мою сторону. Но мне было все равно. Его отношение ко мне больше не трогало меня.

Зато Андрей был чудесен. Он работал, дарил мне подарки. Не я, а он покупал продукты для романтического ужина у него дома. Главным преимуществом в отношении для него была правда. Подтверждением этого была его фамилия – Правдин. Он дал мне ключ от своего дома, чтобы я могла приходить в любое время. Он был внимателен, нежен, честен и справедлив. Он старался сделать так, чтобы мне было хорошо. Не принимал с благодарностью или без нее мои усилия, а предпринимал их сам. Он был влюблен, немного наивен, и отчаянно боялся потерять меня.

А потом он меня изнасиловал.

10.

Это начиналось, как обычный пикник на природе. У меня был долгожданный выходной день. Утром Андрей заехал за мной на машине. Я уже была влюблена, и не ожидала ничего плохого.

– Зайка, познакомься, это Степа, – показал мне Андрюша на молодого человека, который сидел на заднем сиденье.

– Очень приятно, Таня, – ответила я с улыбкой.

Степа был давним другом Андрея, только что вернувшимся из длинной заграничной поездки. И Андрей пригласил его

на наш пикник. Я была немного разочарована, присутствие чужого человека исключало романтику. Я еще не вступала в близкие отношения с Андреем, но мы обсудили это. И решили заняться любовью на природе, в уединенном уютном месте. Именно сегодня. Но улыбка Степана была такой доброй и искренней, что я передумала расстраиваться. В конце концов, после пикника мы можем поехать прямо к Андрею и совершить запланированное.

Когда мы приехали на место отдыха, на берег реки, Андрей расстелил одеяло на траве, чтобы я могла позагорать в купальнике. И я прилегла с книжкой, наслаждаясь солнцем и летним ветром. А мальчики делали шашлыки. А потом я задремала.

Проснулась я от негромких стуков шампуров друг о друга. Оказывается, Андрей со Степой уже приготовили шашлык, и усаживались на одеяле, одновременно раскладывая тарелки с нарезанными овощами. Я потянулась и улыбнулась Андрею. Но не увидела улыбки в ответ. Он не смотрел мне в глаза, а Степа, судя по координации его движений, уже был сильно пьян. Я села и стала одевать сарафан. Мне стало неприятно, что пьяный чужой человек так откровенно разглядывает меня.

– Эй, Андрюха, что-то твоя цыпочка меня не привечает! – пьяно закричал Степа и громко засмеялся, – ты ее научи, как надо с твоими друзьями себя вести!

– Надо будет, научу, – зло огрызнулся Андрей.

Шашлык ели в полном молчании. Мне было неприятно. Я хотела домой. Но в эту минуту Степа начал говорить странные вещи.

– Ну что, пора исполнять? – спросил он Андрея.

– Пора, – ответил мой любимый и поднялся. Посмотрел на меня сверху, и стал покачиваться с носков на пятки. Мне стало не по себе. Я хотела спросить, в чем дело, возмутиться и потребовать отвезти меня домой. Но не успела. Андрей поднял руку и со всего размаха ударил меня по щеке. Я упала, из носа брызнула кровь, нижняя губа сильно пульсировала. Я даже не успела спросить, за что? Я увидела свой хлопковый сарафан в руках у Степы, Андрей четкими движениями снимал с меня купальник.

– Я первый! – пьяно крикнул Степан.

– Нет, я, – ответил Правдин, – я месяц ее обхаживал, – руки держи ей. Андрей уверенными движениями залез на меня сверху и стал расстегивать брюки. Я пыталась кричать, но получалось только мычание. Больше ни разу Правдин не посмотрел мне в глаза. Ни пока ерзал на мне, насилуя, ни пока предлагал Степе залить мне в рот водки и умыть лицо от крови, ни пока держал мои руки, когда его друг совершал свое страшное действие. Он не кричал на меня, не разговаривал со мной и не смотрел на меня. Только один раз пнул ногой в живот, когда я, воя и сплевывая кровь на землю, пыталась отползти подальше.

– Она не поняла, – сказал Правдин, – давай еще раз. И

Степа снова приблизился ко мне...

Что я должна понять? За что? Я не знала. Мне было больно, страшно, мерзко, противно... Я не знала, сколько это продолжалось. Помню только, что нижняя губа моя занемела, и мне стало холодно. У меня дрожали руки и ноги, зубы стучали. Хотя на улице было тридцать градусов тепла. Увидев, что трясусь, Степа попытался влить в меня водки, но меня вырвало. Голова моя закружилась. Его кроссовки, испачканные моей рвотой – последнее, что смогла увидеть. Недолго эта картинка тряслась и вздрагивала. А потом я провалилась в черный тоннель.

11.

Уже неделю я лежу в больнице. У меня болит все – руки, ноги, спина, живот. Нижняя челюсть моя сломана. А еще сломана я сама. То, что внутри меня. Сама основа. Как будто я была стеклянной и вдруг разбилась. Я вижу все осколки в отдельности, но как собрать их в целую вещь, не знаю. Меня нашли на обочине дороги. Видимо, мои мучители выкинули меня из машины.

Я лежу на кровати, лицом к стене. И вижу себя по привычке сверху. Ко мне приходила мама. И еще приходила полиция. У них был ко мне один и тот же невыносимый вопрос: кто это сделал?

Только мама объясняла, что отцу необходимо это знать, а полиция хотела поймать преступника. Но я молчала. Как я могла объяснить им, что главный преступник – я сама. Я

просто забыла, кто я. И оказалась в беде.

Я знаю кое-что про эту палату: кто-то все время сидит на соседней кровати. Но я не хочу смотреть. Мне все равно. Главное, что это не мой отец или мать, и не Костя. Никого из моих врагов, это я знаю точно. Я слышу ровное дыхание за спиной и чувствую взгляд. Но он не прожигает мне спину, а согревает ровным теплом.

Спустя несколько дней родители пришли ко мне вдвоем. Я вздрагиваю, услышав голос отца. Ведь кошмары из моего детства снова мучают меня уже несколько ночей. Глаза мои опухли от слез. Я полностью опустошена.

– Татьяна, посмотри на меня! – приказывает отец. И я не в силах сопротивляться. Я медленно поворачиваюсь и вижу родителей. Отец смотрит на меня немигающим взглядом, с сознанием своего превосходства, и на лице его отпечаталось его право, присужденное ему им самим – быть моим судьей и собственником. Мать смотрит в пол.

– Ну что, будем признаваться, кто тебя имел? – с насмешкой спрашивает папа, – или опять наговорим, что спал с тобой я, твой отец?!

Я вижу перед глазами вспышки, как будто взрываются пестарды, и слышу ровный гул в голове. Он! Это он! Чудовище из моих кошмаров! Я не знала, кто... в тринадцать лет! И, одновременно, я знала! Знала! Это был он! Только мне никто, никто не поверил! И я перестала верить себе сама!

– Это был ты! – в ужасе кричу я, – Ты! Ты! Ты! Ты!

Отец подскакивает ко мне, зажимает мне рот рукой.

– Теперь ты поняла, шлюшка бесстыжая, что должна вернуться домой?! Я твой хозяин! Я!

Я вижу в глазах его безумие, одержимость, опасный неестественный блеск. Это его соревнование, его война, которую он должен выиграть любой ценой. Это он был порочным, похотливым и грешным. Таким же, как его мать! Он, а не я! Я срываю его руку со своего рта, челюсть мою свело болью, но я выкрикиваю снова и снова: Это был ты! Ты! Ты! Ты!

Эта правда, вырвавшись из меня в первый раз, как саднящая многолетняя заноза, кричала на всю палату.

Сначала я услышала хлопок, а только потом поняла, что получила пощечину. Мама ударила меня.

– Какая же ты тварь! Заткнись! Отец всегда прав! Всегда прав! – прокричала мама и заплакала.

– Это был ты, – уже спокойно говорю я, – я все прекрасно помню. Я ЗНАЮ ПРАВДУ!

Конечно, я помню. Ведь я годами просыпалась от кошмаров, видя во сне ЕГО лицо. Эта жуткая, но такая нужная мне правда догнала меня поздно, в двадцать четыре года. Теперь я его не боялась. Я стала сильнее его!

– Интересно, кого мы абортировали, мам? – спросила я, – его сына или его внука?

Мама упала в обморок.

– Ах ты, мразь, – отец снова приблизился ко мне и схватил

меня за предплечья, – Правдин тебе показал твою правду! Ты жалкая шлюшка, и вернешься домой! Теперь ты поняла, кто твой хозяин? Я! Я твой хозяин!

Он все тряс и тряс меня изо всех сил, и орал, брызгая слюной мне в лицо.

– Твое приключение стоило мне всего двести долларов! – орал он. Глаза его выпучились, и, мне казалось, они сейчас выскочат из орбит, – двести долларов! И так будет каждый раз, когда ты свяжешься с очередным мужиком!

Правдина нанял мой отец. Все просто. Очень просто. **ОЧЕНЬ ПРОСТО!**

–Хватит! – услышала я звонкий молодой знакомый голос. Отец меня отпустил, как-то обмяк и отступил от кровати. И я увидела в палате людей, много людей... Полиция, медсестры, врачи. А также обладатель того спасающего голоса – Ритка. Ритка! Это она сидела на соседней кровати несколько ночей подряд, поняла я! Ритка! Увидев ее, я смогла заплакать. Я закрыла руками лицо и плакала, а моя подруга обнимала меня и гладила по плечам.

– Ты ни в чем не виновата! Ты ни в чем не виновата! Девочка моя! – повторяла и повторяла она. И эти слова звучали, как музыка, – это они! Это все они! Они плохие, а ты хорошая!

Потом она вытянула мою руку, чтобы медсестра могла сделать укол. И в этот момент стена вокруг меня, не дающая мне дышать, рухнула. И я поняла, что мне есть зачем жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.